

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ
ИЛЬИН
О ПРОТИВЛЕНИИ
ЗЛУ СИЛОЮ

МОСКВА
2017

**САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ АФОРИЗМЫ
ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЛЬИНА**

*Никогда не жалуйся на время, ибо ты для того
и рожден, чтобы сделать его лучше.*

*Война есть не только потрясение, но и духовное
испытание и духовный суд.*

*Духу человека доступна свобода, и ему подобает
свобода. Ибо дух есть сила самоопределения
к лучшему.*

*Без свободы человеческая жизнь не имеет ни смысла,
ни достоинства, и это самое главное. Смысл жизни
в том, чтобы любить, творить и молиться.
И вот без свободы нельзя ни молиться,
ни творить, ни любить.*

*Властвующий должен не только хотеть и решать,
но и других систематически приводить к хотению
и решению. Властвовать — значит как бы налагать
свою волю на волю других, однако с тем, чтобы это
наложение добровольно принималось теми,
кто подчиняется.*

**САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ АФОРИЗМЫ
ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЛЬИНА**

*Совсем не значит, что в политике, дипломатии
и стратегии надо «всем не доверять».*

*Но для доверия необходимо иметь
серьезные основания.*

*В стране, где граждане переживают воинскую
повинность как честь, как право, как доблестное
служение — мобилизация протекает совсем иначе,
чем там, где люди «пальцы режут, зубы рвут,
в службу царскую нейдут».*

*Без свободы — гаснет дух; без духа — вырождается
и гибнет свобода. О, если бы люди увидели
и уразумели этот закон!*

*Внешняя свобода дается человеку для того, чтобы
он внутренне воспитал и освободил себя;
политическая же свобода предполагает, что человек
воспитал и освободил самого себя, и потому она
дается ему для того, чтобы он мог воспитывать
других к свободе.*

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Иван Александрович Ильин (1883—1954) — один из тех выдающихся российских мыслителей, которые вынуждены были покинуть Родину после прихода к власти большевиков. Из тех 160 невольных изгнанников, лучших представителей русской интеллигенции, которых по приказу Ленина насильственно выслали из России. Конечно, этим изгоям относительно повезло — их всего лишь «вышвырнули» из страны, но не расстреляли, что было тогда повсеместной практикой «власти советов». Высылка носила грубый, насильственно унижительный характер: всем высылаемым разрешалось взять с собой лишь две пары кальсон, две пары носков, пиджак, брюки, пальто, шляпу и две пары обуви на человека; все деньги и остальное имущество высылаемых подвергались конфискации.

Именно там, на чужбине, в Германии и Швейцарии, Ильин написал большинство своих блестящих трудов по философии религии и философии права.

Окидывая взглядом прошлое, философ искал причины прихода к власти «черни» — и находил их не на поверхности, а гораздо глубже. Он видел, как необходимо культивировать в народе чувство собственного достоинства, из которого рождается уважение к Другому и его праву, а это, в свою очередь, дает толчок к росту правосознания — без чего невозможно устройство государства, благоприятного для развития человека. Как важно людям пробуждать (а не заглушать ради своекорыстной выгоды!) голос совести, которой обладает каждая живая душа. Вот об этом главном вопросе всей русской жизни Ильин не уставал говорить и писать.

ПОНЯТИЯ ПРАВА И СИЛЫ

ГЛАВА I

Вопрос о соотношении права и силы заслуживает со стороны юриста особого внимания по целому ряду оснований. Так, с одной стороны, эта проблема играет видную роль в *истории политических учений*. Самые различные философские, политические и юридические доктрины подходят к ней с тем, чтобы дать ей то или иное истолкование и решение, и если мы возьмем только те учения, которые так или иначе *сближали силу и право*, то перед нами развернется длинный ряд воззрений, нередко совершенно разнородных в целом и по существу. В той или иной модификации мы найдем это сближение и у софистов¹, и у пламенного республиканца Макиавелли², и у монархомахов³

¹ *Софисты* — представители философского направления, распространенного в Греции во 2-й половине V — 1-й половине IV вв. до н. э.

² *Никколо ди Бернардо Макиавелли* (1469—1527) — итальянский мыслитель, политический деятель. Странник сильной государственной власти, для укрепления которой допускал применение любых средств, что выразил в труде «Государь», опубликованном в 1532 г.

³ *Монархомах* — (букв.: тираноборец) радикал, оправдывающий насилие, восстание и тираноубийство во имя естественного права. В узком смысле к монархомахам относят публицистов второй половины XVI — начала XVII в., выступавших против абсолютизма (Готмана, Дюплесси-Морне, Буше; Бьюкенена; Мариана-и-Суарца; Альтузия).

(Гюбер Ланге¹), и у натуралиста Гоббса², и у Спинозы³, и у крайнего индивидуалиста Штирнера⁴, и у реакционера Галлера⁵, и у социолога-правоведа Гумпловича⁶, и у многих других. Идеальный материал столетиями накапливался вокруг этой проблемы, и сущность ее приобретала постепенно все более утонченный и запутанный характер. Наличие сходных решений в самых различных доктринах должна была бы уже сама по себе приковать внимание исследователя к этой проблеме.

К этому присоединяется далее *практическая жизненность* этого вопроса. Самые различные социальные группы заинтересованы в том или ином практическом разрешении конфликта между правом и силой, в установлении так называемого «правильного» соотношения между этими моментами *общественной жизни*. И хотя практический интерес, заставляющий бороться за торжество «бессильного

¹ Гюбер или Юбер Ланге (1518—1581) — французский писатель-публицист, автор блестящих этюдов на правовые темы.

² Томас Гоббс (1588—1679) — английский философ-материалист, один из основателей теории общественного договора и теории государственного суверенитета.

³ Бенедикт (Барух) Спиноза (1632—1677) — голландский философ-рационалист.

⁴ Макс Штирнер (настоящее имя Иоганн Каспар Шмидт; 1806—1856) — немецкий философ-младогегельянец, предвосхитивший задолго до их возникновения идеи нигилизма, экзистенциализма, постмодернизма и анархизма, в особенности — индивидуалистического анархизма.

⁵ Карл-Людвиг Галлер (1768—1854) — швейцарский государственный деятель, правовед, один из теоретиков Европейской Реставрации.

⁶ Людвиг Гумплович (1838—1909) — польский социолог, экономист и юрист, представитель социального дарвинизма.

права» или сочувствовать «бесправной силе», и способен вообще вызвать теоретический интерес к проблеме, но важность и необходимость предварительного научного аналитического освещения вопроса далеко еще не сознается в достаточной мере.

Теоретическая сложность проблемы является третьей особенностью ее, способной приковать к ней внимание исследователя. Среди юристов-теоретиков проблема соотношения права и силы может и должна вызывать интерес в представителях всех отдельных дисциплин: вопросы об определении права, о его образовании, применении и содержании близки каждому юристу-теоретику как таковому, а проблема эта находится в теснейшей связи с этими вопросами. Самые понятия права и силы принадлежат к числу самых трудных и сложных в истории научной мысли вообще. Сказать что-нибудь исчерпывающее об этих понятиях является до сих пор делом недостижимой трудности, и *может* вообще *показаться*, что проблема их соотношения должна быть отнесена к числу так называемых «проклятых» проблем.

Поэтому, если мы берем на себя задачу сказать нечто по ее поводу, то не потому, чтобы она казалась нам по существу своему несложной, а решение ее легко достижимым; но потому, что некоторые общие точки зрения, складывающиеся за последнее время в философии и философии права, намечают, по нашему мнению, тот *путь*, движение по которому позволит, может быть, внести в эту проблему необходимый аналитический свет.

Чтобы стать на этот путь, необходимо прежде всего признать, что историко-философскому и практическому

освещению ее должен непременно предшествовать теоретический анализ. Сущность воззрения на право и силу не может быть понята ни в одной исторически известной нам доктрине, если мы не сделаем предварительно попытки определить эти понятия в терминах современной науки: ибо процесс уяснения отживших учений состоит по существу в переводе их на язык современных понятий. Точно так же критическая оценка этих учений предполагает, что проблема так или иначе теоретически решена, что «правильное» соотношение *понятий* найдено. Наконец, политик-практик, говорящий о «силе права» и о «праве силы», должен ясно и отчетливо представлять себе все внутреннее, логическое значение этих словосочетаний, и именно теоретический анализ понятий может поставить на должную высоту осмысленности его рассуждения и действия. Итак, юристу, кто бы он ни был, необходимо начать с теоретического рассмотрения проблемы.

Проблему о соотношении права и силы мы попытаемся поставить здесь с общеюридической точки зрения. Это значит, что мы отвлечемся от тех постановок, которые она получает в отдельных юридических дисциплинах и от тех специальных вопросов и затруднений, которые возникают для нее в отдельных науках, и подойдем к ней с точки зрения *общего правоведения*. На первый план у нас станет *анализ понятий* силы и права, но притом в одном определенном отношении.

Изолируем нашу постановку еще полнее и точнее. Мы отвлечемся от вопроса о том, что в *этическом* или *социально-философском* отношении *ценнее* — право или сила; или что чему должно служить в *политическом* отношении, т. е. право ли есть *цель*, а сила — *средство*, или наоборот.

Мы оставим также в стороне вопрос о том, что над чем торжествовало в процессе *исторического* развития и что являлось *причиной*, а что — *следствием*. Нас интересует не то, что *должно* быть в общественной жизни, и не то, что *было* в исторической действительности. Все эти вопросы — высокой важности и интереса. Но не в них сейчас центр тяжести. Анализ понятий силы и права мы попытаемся произвести здесь с точки зрения *общей методологии юридических дисциплин*.

Современное правоведение все с большей определенностью и принципиальной осознанностью приходит к признанию того, что право само по себе есть некоторое в высшей степени сложное и многостороннее образование, обладающее целым рядом отдельных сторон и форм «бытия». Каждая из этих сторон входит в сущность того, что именуется одним общим названием «права», но каждая из них представляет по всему существу своему нечто до такой степени своеобразное, что предполагает и требует особого, наряду с другими, специального определения и рассмотрения. Если общее изучение опускает хотя бы одну из этих сторон, то оно не полно; если изучение одной из них бессознательно сливается с другой, то возникает опасность методологических смешений, могущих иногда прямо обесценить все исследование. Эта точка зрения признает таким образом, что нет единого универсального и исключительного способа изучения права, который вытеснил бы и заменил все остальные, сделал бы их излишними, ненужными. Способов изучения права много; каждый из них в отдельности ценен, необходим и незаменим. Вера в спасительный методологический монизм падает и уступает место принципиальному признанию *методологического плюрализма*.

Все правопознание начинается с этой точки зрения осложняться, расслояться, дифференцироваться. Юридические дисциплины начинают разделяться уже не только по характеру регулируемых отношений, а по *способу рассмотрения* права как такового. Подходя к праву во всей его сложности со своей особой точки зрения, каждая методологически обособленная дисциплина выделяет в нем именно ту сторону, которая важна для нее, и именно эту сторону объявляет существенной в праве, составляющей искомую сущность права. Получается не одно определение права, а несколько, может быть, много, и ни одно из этих определений не может и не должно претендовать на исключительность. Все они вместе и только сообща могут приоткрыть на исчерпывающее постижение сущности права.

Между этими отдельными способами рассмотрения, между этими *методологическими рядами правопознания* может быть большая и меньшая близость и отдаленность. Взаимная отдаленность отдельных рядов может доходить до совершенной и полной, кардинальной оторванности. И именно в этом последнем случае понятия, принадлежащие к одному ряду, стоят по отношению к понятиям другого ряда в плоскости, по всему существу своему несходной, иной, чужеродной. Есть ряды правопознания, которые не только не дают ответа на вопросы, возникающие и стоящие в другом ряду, но даже не терпят их перенесения и постановки в *своей сфере*. Такие ряды должны быть охарактеризованы как ряды *взаимно индифферентные в методологическом отношении*, и сознание этой индифферентности есть одна из ближайших и важнейших задач всего правопознания в целом. Так, напр[имер], *историческое* рассмотрение и *социологическое* рассмотрение правовых

явлений родственны друг другу, иногда сливаются и переливаются друг в друга; точно так же *философская* оценка *правовых явлений* и *политико-телеологическое* рассмотрение их — имеют некоторые точки соприкосновения. Но, напр[имер], *догматическая* разработка *норм права*, имеющая целью построить систему юридических *понятий*, и *социологическое* объяснение *правовых явлений* движутся в двух совершенно различных плоскостях, в известном отношении могут стать в положение взаимно индифферентных рядов, а в определенных вопросах обнаружить даже прямую противоположность.

Заметим еще, что *принцип методологической индифферентности* отнюдь не имеет и не должен иметь того смысла, что известные *явления общественной жизни* не стоят друг с другом ни в какой *реальной* связи, не обуславливают друг друга или не определяют. Сущность этого принципа состоит в известном, условно допускаемом, познавательном приеме *логического* отвлечения от одних сторон права при рассмотрении других сторон его. Конкретнее и определеннее говоря: познавая право в логическом ряду, мы отвлекаемся от тех сторон его, которые характеризуют его как реальное явление. Здесь противопоставляются не два явления, а, с одной стороны, право как явление, с другой стороны, право как нечто, рассматриваемое вне плоскости реального. Но по существу об этом дальше.

Произвести тот анализ понятий права и силы, который мы здесь предпринимаем, значит постараться обнаружить, есть ли возможность того, что известный методологический ряд правоведения или, может быть, несколько методологических рядов окажутся сродными той научной

плоскости, в которой стоит понятие силы. И если окажется, что такое сродство или скрещение этих методологических рядов *вообще* возможно, то нам останется проследить и указать, для каких именно рядов это возможно и насколько. Тем самым решится и коррелятивный вопрос: есть ли у права такая сторона, которая *никоим образом* не терпит методологически сближения или тем более отождествления его с силой. И если есть, то какая это сторона. Это и даст нам возможность сказать: возможно ли вообще рассматривать право как силу, допустимо ли это вообще с методологической точки зрения, и если допустимо, то в каких оттенках обоих понятий это возможно. Тогда только у нас окажется в руках и критерий для понимания и критической оценки всего ряда исторически известных нам доктрин, сближавших или тем более сливавших понятия силы и права. Тогда только и политик-практик получит возможность представить себе с полной ясностью и отчетливостью, в каких значениях право становится силой и какие меры могут содействовать или препятствовать праву в осуществлении его функции.

ГЛАВА II

Установим прежде всего, что понятие силы, как бы оно ни определялось, лежит всегда в *реальном* ряду, имеет всегда *онтологическое* значение, тогда как понятие права может и не находиться в реальном ряду, может не иметь в числе своих предикатов¹ признака бытия (так или иначе конструированного).

Итак, понятие силы имеет всегда онтологическое значение.

Если оно рассматривается с *наивно-реалистической* или, в частности, с обычной натуралистической точки зрения, то под силой разумеют обыкновенно некоторое свойство, точнее, способность предметов и вещей, обладающих конкретной реальностью. В таком случае сила является *реальной* (безразлично-действующей или не действующей) *способностью эмпирически реальных вещей*.

Если же к понятию силы подходят с точки зрения *метафизической*, то сила может получить тройное значение: сила или составит сущность самой субстанции (так было у Лейбница²), или она явится атрибутом субстанции

¹ *Предикат* (от лат. *praedicatum* — «заявленное, упомянутое, сказанное») — то, что утверждается о субъекте, понятие, определяющее предмет суждения — субъект.

² *Готфрид Вильгельм Лейбниц* (1646—1716) — немецкий философ, логик, математик, механик, физик, юрист, историк, дипломат, изобретатель и языковед.

(так было у Спинозы)¹, или же она получит значение самостоятельного в своей сущности атрибута, свободно от принадлежности субстанциальному субстрату (так было у Фихте Старшего²). Во всех этих трех случаях сила имеет (безразлично — самостоятельную или не самостоятельную) метафизическую реальность.

Наконец, если понятие силы берется с точки зрения *критической теории познания*, то оно получает значение понятия, применяемого к данности чувственных созерцаний (т. е. к явлениям и только к явлениям) рассудком, создающим опыт как совокупность научно-достоверных утверждений; это есть понятие, служащее для объяснения *чувственно-реальных феноменов*. В этом случае сила сама не есть нечто реальное, но является понятием, применимым только к тому, что само чувственно-реально.

Так было, напр[имер], у Канта³.

Эти три различные точки зрения на «силу» могут еще, сливаясь и сплетаясь, образовывать новые, более сложные учения, сращивающие, напр[имер], оттенки

¹ Можно принять это обозначение условно из сопоставления Spinoza. Ethica. Pars I. Def. IV и *ibid.*, prop. XXXIV, не входя в рассмотрение его учения об атрибутах. Понимание «атрибута» Спинозы как первоначальной силы отстаивает Куно Фишер. *Gesch der neueren Phil.* В. II, s. 235, 383—395 и. а. (*Примеч. авт.*)

² *Иоганн Готтлиб Фихте* (1762—1814) — немецкий философ. Один из представителей немецкой классической философии и основателей группы направлений в философии, известной как субъективный идеализм.

³ *Иммануил Кант* (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, стоящий на грани эпох Просвещения и романтизма.

эмпиристический с метафизическим (так было у Ницше¹), или критический с метафизическим (Шопенгауэр²) и т. д.

Одно обще всем учениям о силе: это — *помещение ее в реальный ряд*. Сила или сама реальна — эмпирически или метафизически, во времени или вне времени, самостоятельно или зависимо, — или же есть принцип для познания реального. Вот почему мы сказали, что понятие силы имеет всегда онтологическое значение. Если при этом реальность, в ряду которой живет и движется представление о силе, строится вне данности, из понятия, то мы будем говорить о метафизической реальности силы; если же эта реальность строится из данности, из созерцаний и восприятий, то она будет неизбежно мыслиться во временном ряду и получит значение эмпиристической. Поэтому мы можем условиться, что все, что мыслится во времени, напр[имер], как возникающее, развивающееся, как имеющее свою причину в прошлом, как «обусловленное» предшествующим или сосуществующим, — мыслится как эмпирически-реальное. Поэтому мы можем сказать, что все, что помещается в тот познавательный ряд, в котором живет представление о силе, помещается с методологической точки зрения в ряд *реальный*: получает само значение *реального*, метафизически-реального или эмпиристически-временно-реального. Это уясняется еще более из следующих соображений.

¹ Фридрих Ницше (1844—1900) — немецкий мыслитель, классический филолог, композитор, поэт, создатель самобытного философского учения, которое носит подчеркнуто неакадемический характер.

² Артур Шопенгауэр (1788—1860) — немецкий философ, тяготевший к немецкому романтизму, увлекавшийся мистикой; один из самых известных мыслителей иррационализма, мизантроп.